

СТАТЬИ / ARTICLES

ИДЕНТИЧНОСТЬ ГОРОДА: ВИЗУАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО И КУЛЬТУРНЫЙ СМЫСЛ

С. С. Аванесов

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого,
Великий Новгород, Россия
iskiteam@yandex.ru

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда
проект № 24-18-00672, <https://rscf.ru/project/24-18-00672/>

В статье показано, что городская идентичность и идентичность города – это исходно разные концепты: первый из них описывает позицию осознанной принадлежности человека к определённому городскому сообществу, второй – историческое равенство города самому себе, его единство во времени и пространстве. При этом оба концепта имеют открытый характер: городская идентичность в принципе условна и динамична, а идентичность города всегда больше, чем его само-тождество. Тождество города самому себе превращает его в статичный музей самодостаточных артефактов. Идентичность города утверждает его в статусе динамичного культурного феномена, изменчивого в своём постоянстве и постоянного (одного и того же) в своей изменчивости. Визуальное пространство города выступает основанием для самоидентификации лишь в том случае, когда оно воспринимается в качестве знаковой системы – текста, поддающегося прочтению не только на уровне содержания и значения, но и на уровне смысла. Идентифицировать себя с конкретным городом значит принять, освоить ценности, идеалы, социокультурные установки и моральные ориентиры конкретного городского сообщества, то есть его смыслы. Городская идентичность основана на таком проникновении в культурный смысл города. В свою очередь, идентичность города во многом зависит от того урбанистического образа, который формируется горожанами – носителями городской идентичности. Генезис идентичности конкретного города – это результат актов осмыслиения его сути: его истории, принимающей черты биографии, его архитектурной среды, получающей характер семиотической системы, и его пространственного устройства, приобретающего свойства текста. В таком ракурсе визуальная среда города всегда «больше» своего материального или эстетического измерений, выступая как форма презентации смыслов, в равной степени лежащих в основании как городской идентичности, так и идентичности города.

Ключевые слова: визуальная семиотика, урбанистика, город, идентичность, визуальное пространство, культурный смысл

IDENTITY OF THE CITY: VISUAL SPACE AND CULTURAL SENSE

Sergey S. Avanesov

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia
iskiteam@yandex.ru

The article shows that urban identity and city identity are fundamentally different concepts: the former describes a person's position of conscious belonging to a certain urban community, the latter describes the historical equality of the city to itself, its unity in time and space. At the same time, both concepts are open-ended: urban identity is, in principle, conditional and dynamic, and city identity is always greater than its self-identity. The identity of the city to itself turns it into a static museum of self-sufficient artifacts. The identity of the city confirms its status as a dynamic cultural phenomenon, changeable in its constancy and constant (the same) in its variability. The visual space of the city serves as a basis for self-identification only when it is perceived as a sign system – a text that can be read not only at the level of content and meaning, but also at the level of sense. To identify oneself with a specific city means to accept and master the values, ideals, socio-cultural attitudes and moral guidelines of a specific urban community, that is, its senses. Urban identity is based on such penetration into the cultural sense of the city. In turn, city identity largely depends on the urban image that is formed by the city dwellers – the bearers of the urban identity. The genesis of a specific city's identity is the result of acts of understanding its essence: its history, which takes on the features of a biography; its architectural environment, which takes on the character of a semiotic system; and its spatial structure, which acquires the properties of a text. In this perspective, the city's visual environment is always "larger" than its material or aesthetic dimensions and acts as a form of representation of meanings that equally underlie both urban identity and city identity.

Keywords: visual semiotics, urban studies, city, identity, visual space, cultural sense

DOI 10.23951/2312-7899-2025-2-8-30

Я верю в силу воздействия
особой атмосферы места.
Артур Конан Дойл
Долина страха

Ключевые пресуппозиции

Гуманитарная урбанистика как культурно-антропологическая теория города уделяет большое внимание темам конструирования, трансформации и деформации городской визуальной среды. Особенную важность визуальная проблематика приобретает в се-

миотическом ракурсе, где тема городских видов интерпретируется в коммуникативном аспекте, то есть с точки зрения соотношения вида и образа, визуальной среды и культурного текста, эстетики и прагматики. Такого рода соотношения являются не столько предметом теоретического интереса, сколько концептами, открытыми в конкретную социокультурную практику, безусловным основанием которой всегда выступает установка *идентичности*. Только субъект как «носитель» определённой городской идентичности является действительным актором в культурном пространстве конкретного города. Иначе говоря, идентичность горожанина реализуется в хронотопе идентичного города. В контексте визуальной семиотики концептуальное обоснование различия и сходства городской идентичности и идентичности города выступает как одна важнейших задач городских исследований¹. Решение названной задачи будет способствовать развитию урбанистического знания в сторону всё более отчётливого понимания связи между преемственностью визуальных параметров городской среды и порядком генезиса локальной идентичности, всё более точного представления о том, каким образом урбанизированная среда и городской менталитет соотносятся друг с другом в поле городского образа жизни как сложно устроенного культурно-антропологического феномена.

Само понятие идентичности отличается достаточно высоким уровнем сложности, что объясняется его применением к описанию объектов и состояний с такими противоположными характеристиками, как (а) фундаментальность и условность, (б) устойчивость и динамика, в) определённость и открытость. Поэтому для формулировки содержания названного понятия требуется одновременное полагания трёх концептуальных антиномий.

Во-первых, идентичность (кого-либо или чего-либо) есть ключевая предпосылка, благодаря которой индивид существует во времени как конкретный субъект собственной активности, а также возможна базовая ориентация этого индивида в окружающей среде и, более того, само наличие этой среды как упорядоченной системы, а не хаоса. Иначе говоря, идентичность есть прежде всего *sine qua non* наличия пространственно-временных параметров бытия личности. Однако, с другой стороны, по своему происхождению идентичность всегда есть *культурный конструкт*, и потому, будучи ус-

¹ Решение проблемы идентичности на почве гуманитарной урбанистики требует комплексного, междисциплинарного подхода, для чего привлекаются ресурсы таких дисциплин, как философия, социология, психология, экономика, политология, культурология, история, комплекс архитектурных и градостроительных дисциплин [Шилехина 2017, 59; Горнова 2019, 4, 10].

ловием существования конкретного индивида в определённой среде, сама является условной, производной от культурного контекста, под влиянием которого формулируется и принимается частная конфигурация антропной конкретности и столь же частный формат мировоззренческой (средовой) определённости.

Во-вторых, будучи сформированной, культурная идентичность, с одной стороны, должна быть устойчивой, дабы выступать крайним условием сохранения индивида во времени и пространстве, несмотря на все изменения состояний среды и все трансформации внутреннего мира человека – и на уровне интеллекта, и на уровне эмоций. При этом языковой характер отношения субъекта к реальности предполагает такую же устойчивость в области семантики имён (конкретное слово означает конкретный, строго соответствующий ему референт в сфере действительности). Однако, с другой стороны, именно культурно-социальная форма бытия человека предполагает реальную возможность не только эволюции, но и революционного сдвига в области личной идентификации, вызванного, в конечном счёте, самим коммуникативным характером культуры. Приобщение человека к новым для него культурным горизонтам неизбежно ведёт к корректировке его уже сложившейся и функционирующей идентичности, а кросскультурные влияния могут привести к её радикальной смене. То же самое можно постулировать и в отношении элементов культурной среды, каждый из которых открыт для трансформаций под влиянием тех или иных тенденций и потому со временем может потребовать иных языковых означений. Таким образом, устойчивость идентификации во времени-пространстве является с неизбежностью динамичной². В принципе, генезис идентичности – это потенциально бесконечный процесс.

В-третьих, идентичность как таковая всегда *конкретна*, она выступает как социокультурная определённость человека (группы) и как рецептивная определённость длящегося во времени культурного феномена. Мы всегда можем более или менее строго определить, какова идентичность того или иного индивида, того или иного культурного феномена (к примеру, города). Однако, поскольку речь идёт о человеке и культуре, мы не можем подразумевать под идентичностью полное тождество субъекта или явления самому себе.

² По справедливому замечанию Ю. М. Лотмана, в мифе «подобное оказывается тем же самым» [Лотман 2010, 670]; в области бытия-во-времени, наоборот, то же самое оказывается лишь подобным самому себе.

Идентичность человека, в отличие от идентичности вещи, всегда является неполной, в той или иной степени недоопределённой – как в области её обоснования, так и в сфере её выражения. Город как знаковый феномен (текст)³, будучи идентичным, в то же время на уровне значения и / или смысла может проявлять известную вариативность, то есть выходить за границы однозначного тождества самому себе. Следовательно, идентичность в сфере культуры (а значит – в сфере собственно человеческого способа бытия) никогда не означает тождества⁴; идентичностью является такое состояние, благодаря которому лицо, сообщество, конструкт, артефакт, явление или процесс одновременно и тождественны самим себе, и превосходят самих себя. Иначе говоря, в поле идентичности признак тождества и признак неравенства самому себе аналитически различимы, но при этом неразрывны, неотделимы друг от друга, предполагают друг друга. Редукция идентичности к чистому тождеству приводит к обрыву человеческого существования как перспективного (открытого) способа бытия, а также к реификации культурного феномена, что, в свою очередь, запускает процессы вырождения личности в онтически статичную монаду и мотивирует практики музеификации культурной среды.

Дескрипция данных концептуальных антиномий не только подчёркивает сложность дискурса идентичности даже на уровне базовой терминологии, но и обнаруживает наличие двух уровней такого дискурса, на каждом из которых полагается свой предмет суждения, требующий соответствующего ему теоретического подхода. Для гуманитарной урбанистики исходно важно, что идентичность (если мы ставим вопрос о том, чья она) выражается в двух экзистенциальных плоскостях: и как (1) апперцепция внутренних состояний индивида, и как (2) способ дефрагментации жизненной среды. Первое есть основа описания сути городской идентичности как результата процессов самоидентификации горожан, второе

³ О понятии города как текста см.: Абашев 2000, 7–11.

⁴ В латыни *identitas* означает именно тождественность. Для того чтобы терминологически зафиксировать различие между равенством самому себе и неравенством самому себе в сфере антропологии и культурологии требуется введение таких спаренных категорий, которые, будучи синонимичными в одном контексте, в другом могли бы выступать обозначениями различных сторон единого положения дел. Такой парой в русскоязычном исследовательском поле как раз и могут служить этимологически совпадающие концепты идентичности и тождества. Методологическим образцом здесь могло бы послужить фундаментальное и во многом революционное различие в ранней греческой патристике терминов-синонимов «сущность» и «ипостась».

лежит в основании объяснения идентичности любого конкретного города во времени и пространстве. И если на уровне исследования городской / региональной идентичности безусловно превалирует социально-психологический подход, то в отношении идентичности города как культурного конструкта требуется особая герменевтика, а именно – перевод дискурса идентичности в плоскость культурологии и философии культуры.

Городская идентичность

Термин «идентичность» был введён в научный оборот Эриком Эриксоном [Горнова 2019, 11]. Точнее говоря, речь должна идти о термине «эго-идентичность», фиксирующем непрерывность самосознания в потоке дискретных психических состояний, некую субъектную *апперцепцию* всех частных перцепций. Следовательно, эриксоновский термин применим лишь к одной из двух частей темы идентичности, взятой в урбанистическом ракурсе, – к теме городской идентичности (а не идентичности города); к тому же и в этом частичном применении данный термин годится, скорее, для фиксации перманентного единства субъекта в его «эгогенезе» [Ассман 2004, 139], чем для описания его условной принадлежности к тому или иному сообществу.

Дело в том, что термин «идентичность» в применении к описанию индивидуального опыта имеет два главных семантических измерения: в зависимости от тематизации дискурса он означает (1) равенство субъекта самому себе и (2) осознаваемую принадлежность субъекта к социокультурному множеству (группе, сообществу, традиции).

Идентичность – результат осознания, т. е. рефлексии над прежде неосознанным представлением о себе. Это верно как для индивидуальной, так и для коллективной жизни. Я являюсь личностью только в той мере, в какой сознаю себя личностью, и точно так же группа является «племенем», «народом» или «нацией» только в той мере, в какой она сознаёт, представляет и выражает себя в рамках этих понятий [Ассман 2004, 139].

Идентичность в первом значении – предмет индивидуальной психологии и философской персонологии, во втором – предмет антропологии города как составной части гуманитарной урбанистики. В диапазоне, задаваемом указанными значениями, с помощью термина «идентичность» могут быть описаны совершенно различные психосоциальные феномены – от трансцендентальной апперцепции до космополитизма. Поскольку здесь речь идёт о го-

родской идентичности, поскольку далее будет рассматриваться не идентичность «я», но отнесение этого «я» к определённому (и в то же время всегда недоопределённому) городскому сообществу.

Термин «идентичный» в первую очередь означает «не теряющий равенства самому себе», «сохраняющий себя как такового». При этом очевидно, что только вещь полностью равна самой себе. Идентичность вещи есть её полное тождество с собой, целостность. В случае человека это равенство себе (совпадение с собой) является не статичным, а динамичным; не наличным и фактическим, а предположенным и подразумеваемым; не данным, а заданным; не единственной характеристикой, но одной из двух логически противоположных характеристик: в существовании человека само-тождественность *снята* в идентичности, предполагающей как тождество, так и не-тождество (хотя бы в возможности) субъекта самому себе. Поэтому в приложении к человеку термин «идентичность» имеет специфическую функцию: с его помощью мы отвечаем на вопрос, каким образом неравный себе самому субъект остаётся самим собой, не превращаясь ни в кого другого.

Не-само-тождественная идентичность субъекта как такового накладывает неизбежный «типический» отпечаток на генезис и «устройство» любой его социокультурной идентификации. Современный дискурс городской идентичности, как правило, включает в себя признание отмеченной внутренней противоречивости:

Транзитивность идентичности – это практически оксюморон, сочетание семантически антиномичных значений, так как сама идентичность предполагает сохранение тождественности, структурную неизменность при всех непрерывных изменениях. В этом сущностном свойстве идентичности – транзитивности – имплицитно заключена антиномичность. В связи с этим можно полагать, что адекватным методологическим основанием анализа идентичности является диалектика устойчивости и изменчивости, постоянства и вариативности [Горнова 2019, 11].

Может быть, в данном случае следовало бы говорить не о транзитивности (всё-таки это довольно строгое логическое понятие), а о транзитности идентичности, акцентируя внимание не на переносе, а на переходности. Оставаясь самим собой, городской индивид всегда находится в позиции неокончательности своей определённости, поскольку он сам и есть всегда недоопределенное, открытое в своей перспективе существо.

Социокультурная идентичность человека обычно формулируется как установка включённости субъекта в определённое (и при этом в конечном счёте воображаемое) сообщество, как «ощущение

принадлежности или связи с той или иной общностью, культурой, традицией, идеологией» [Шилехина 2017, 54], как «психосоциальный комплекс человека, задающий эмоционально важное для него самоотнесение к какой-либо группе / общности, а также определяющий правила поведения людей в этой группе, правила приёма людей в группу и исключения их из неё, критерии различия “свой / чужой” для данной группы» [Задорин и др. 2016, 8]. Идентичность позволяет переживать определённые индивидуальные состояния и оценивать определённые частные действия как проявления *общего опыта*.

Принципиально важно обратить внимание на то, что локальная социокультурная идентификация субъекта осуществляется как его осознанная, субъективно явная, принятая на себя *принадлежность* к определённому идеологически гомогенному множеству (сообществу, субкультуре, традиции). Принять на себя конкретную идентичность означает «соотносить себя с социальной группой, разделять с другими идеологические и ценностные установки» [Горнова 2019, 9]. Иначе говоря, городская идентичность выражается как осознаваемая включённость субъекта в то сообщество, ценности, историю и стиль которого принимаются человеком как *свои*, что, собственно, и делает человека горожанином. Исходя из такого понятия идентичности, мы не можем предполагать никакой «негативной идентификации» [Горнова 2019, 26] и, соответственно, никакой негативной идентичности.

Городская (локальная) идентичность *не может быть негативной* по определению. Ещё точнее, идентичность – это *всегда утверждение и никогда отрицание*. Если я признаю себя принадлежащим к конкретному городскому сообществу, то моя идентичность позитивна просто в силу того, что она существует; неважно, как я при этом оцениваю само это сообщество и сам этот город: позитивно, критически или негативно. Если я не ассоциирую себя с конкретным городом и его горожанами, то моя локальная идентичность, содержательно связанная с этим конкретным городом, просто *отсутствует*, а поэтому она – никакая: и не позитивная, и не негативная. Живя в Петербурге, я вполне могу чувствовать себя москвичом; отсюда не следует, что моя петербургская идентичность носит отрицательный характер; отсюда следует, что петербургской идентичности у меня просто нет (а есть московская). И при этом отсюда никак не следует, что я люблю Москву: судьбу и пожизненный приговор ведь не обязательно любить.

Поэтому некорректно рассуждать о «построении идентичности на отрицании» и о наличии «чётко артикулируемой негативной

городской идентичности» [Горнова 2019, 102, 108]. На отрицании строится отказ от конкретной локальной идентичности⁵. Негативная идентичность – это терминологический оксюморон. Это равнозначно тому, чтобы приписывать мужчине со здоровой мужской самоидентификацией «отрицательный» женский гендер. У мужчины со здоровой мужской самоидентификацией женского гендера просто нет – ни «положительного», ни «отрицательного». Таким образом, можно говорить либо о наличии, либо об отсутствии городской идентичности (которая может быть только позитивной, утвердительной). При этом разница между наличием и отсутствием оной носит весьма отчёлливый *прагматический характер*.

Отсутствие идентичности с собственным городом формирует пользовательское отношение к городской среде. Наличие же идентичности с территориальной группой, равно как и с любой другой, формирует заинтересованное отношение, инициативность и чувство ответственности за благополучие жизни сообщества [Чернявская 2011, 75].

Прагматика городской идентичности связана не просто с поведением человека в конкретной городской среде, но и с такими действиями, которые должны привести либо к изменению города в лучшую сторону, либо к изменению самого себя, либо к релокации (если изменить себя или город в лучшую сторону не удаётся) [Горнова 2019, 16–17]. Идентичность горожанина, таким образом, не только позитивна, но и активна – как в отношении себя, так и в отношении города.

Итак, городская идентичность – это совместно переживаемый позитивный опыт принадлежности к конкретному городу как культурному хронотопу. По своему содержанию это довольно сложный и многообразный феномен: и «привязанность к месту» [Альземенева, Мамаева 2021, 46], и «устойчивое представление человека о себе как жителе определённого города», и «непосредственное переживание своей связи с городом», и «чувство сопричастности городу и его жителям», и «приобщённость к городскому бытию», и «некое сложно артикулируемое чувство общей судьбы» [Горнова 2019, 12]. Это сложное и разнообразно окрашенное «чувство принадлежности» выступает первичной опорой для установления «эмоциональной и когнитивной связи с местом» [Альземенева, Мамаева 2021, 46], переживаемым не в качестве физической территории, но как географически локализованное пространство значимых событий и предметное (структурно-эстетическое) выражение ценностей.

⁵ В качестве примера нулевой идентичности на основе негативного отношения к конкретному городу см.: Бодрийяр 1997.

На психическом уровне можно предположить, конечно, и географически неопределенную идентичность: городской житель, сельский житель. Но это ответ на вопрос «кем ты себя чувствуешь?», а не на вопрос «где ты себя помещаешь?» Второй вопрос требует культурно-географической конкретики («я новгородец, а не москвич») и предполагает апелляцию к образу определенного города или региона.

Географический образ и региональная идентичность – очень близкие понятия. Если в понятии географического образа акцент делается на создание некоей синтетической конструкции, которая должна максимально ярко и экономно представить регион или страну, то во втором понятии главное – это обнаружить прочные и тесные связи, укореняющие местные сообщества и отдельных людей, показать процедуры самоидентификации, в которых образ региона может представлять как образы людей, населяющих и осваивающих эту территорию. <...> Региональная идентичность скрывается в существовании выпуклых и устойчивых образно-географических композиций, а хорошо освоенное пространство идентифицируется как система региональных и оригинальных образов [Замятин 2006, 36–37].

Понятие образа отсылает урбаниста к тому уровню городского воображаемого, на котором только и возможна «сборка» общей идеи города⁶. Городская (локальная) идентичность предполагает «наличие воображаемой связи со своим городом / городским сообществом» [Задорин и др. 2016, 19], при том что ни город, ни сообщество целиком не даны в реальном опыте конкретного горожанина. В данном случае воображаемая связь с воображаемым городом является единственной *реальной* связью горожан друг с другом и с городским хронотопом.

Идентификация, далее, предполагает «соразмерность» человека и того, с чем он себя идентифицирует. Субъект, имеющий фундаментальную человеческую идентичность, способен относить себя только к чему-то человеческому: антропному или антропогенному. Маугли у Киплинга не имеет базовой человеческой идентичности, поэтому относит себя к волкам, то есть к не-антропному сообществу, стае. Сначала я полагаю себя человеком и затем на этой базовой (первой) идентичности «надстраиваю» другие – вторичные – идентичности. Чтобы их «надстраивать» (добавлять к исходной), я должен отнести к любому последующему основанию самоидентификации как к чему-то антропному или антропоген-

⁶ Подробнее о городском воображаемом см.: Спешилова 2023; Федотова 2024, 370–371. Ср.: «Воображаемое национальной общности требует воображаемого преемственности, уходящей вглубь времён» [Ассман 2004, 142].

ному. Таков должен быть в моём опыте и город как одно из оснований самоидентификации. Я не могу признавать город своим, а себя – городским, если город в моём опыте бесчеловечен: имея базовую человеческую идентичность, я уже не могу идентифицировать себя с чем-то нечеловеческим. Поэтому городская идентичность формируется лишь «на основе соразмерности города и человека», их «сомасштабности»; именно на таком основании «складывается городская идентичность человека как непосредственное переживание своей связи с городом, как одно из измерений самоопределения личности» [Горнова 2019, 17, 22] в качестве культурно локализованного субъекта.

Сомасштабность города и человека как основание формирования городской идентичности выступает и в качестве условия коммуникации внутри городского сообщества в большом времени культуры. Дело даже не в том, что городская идентичность требует взаимного соответствия «субъектов взаимодействия – человека и города» [Горнова 2019, 29], а «становление городской идентичности предполагает интенсивное взаимодействие с городом» [Горнова 2019, 25]: город *не имеет субъектности*, в нём лишь выражена и воплощена субъектность тех людей, которые оставили в нём свой физический или ментальный след. Дело в том, что сомасштабный человеку город служит тем материально-идеальным контекстом, в котором (и благодаря которому) оказывается возможным обмен информацией, значениями и смыслами, то есть та коммуникативная деятельность, которая и составляет суть культуры⁷.

Именно с культурным пространством города связаны самосознание горожан и их идентичность [Горнова 2019, 67]. В таком «смысловом пространстве» [Абашев 2000, 18] горожанин встречается с различными основаниями для самоидентификации и, соответственно, конструирует различные идентичности. Город (городское сообщество) может выступать для горожанина не только «объектом» для установления отношения идентификации с этим городом / сообществом, но и «лабораторией», «полем» для выработки горожанином различных других идентичностей, то есть для установления отношения идентификации по этническому, социальному, идеологическому, гражданскому и иным основаниям [ср.: Задорин и др. 2016, 9]. Находясь в городе, человек определяет себя не только по отношению к нему, но и по отношению к тому, что он встречает в нём или с чем он встречается благодаря ему.

⁷ Ср.: «Культура <...> это мировидение и миропонимание, обладающее семиотической природой» [Телия 1996, 222].

Такая встреча происходит во многом благодаря визуальной среде города, действующей на человека как система (композиция) артефактов, производящих своим содержанием определённое впечатление, несущих определённое значение и выражающих определённый смысл⁸. Локальная идентификация выстраивается с опорой именно на присвоение смыслов (идеалов, ценностей, моральных ориентиров), зашифрованных в визуальной среде города. Так формируется ключевой – ценностно-смысловый – компонент идентичности [Горнова 2019, 14], базирующийся «на идеалах, эзистенциалах, ценностях и нормах городской культуры» [Горнова 2019, 35]. Воспринимать смысл видимого значит иметь способность (благодаря владению культурным кодом) связать тот или иной знаковый комплекс / артефакт с «культурно значимой ассоциацией» [Телия 1996, 233]. В коллективной рецепции глубинных коннотаций городского визуального текста формируется и транслируется «общее пространство смыслов, которое объединяет горожан» [Федотова 2024, 370]; именно с этим пространством (а не с материальной «массой» артефактов) идентифицирует себя горожанин.

Итак, городская / локальная идентичность возникает и держится на чувстве причастности к смыслам локального обитаемого пространства; это чувство, в свою очередь, основывается на акте принятия, освоения названных смыслов, представленных в визуальном «декоре» городской среды и в общем образе города. В контексте региональной идентичности сам географический образ места – это «пространство, ставшее максимально внутренним» [Замятин 2006, 38], личностно близким, безусловно своим⁹.

Привязанность к месту и чувство принадлежности имеют решающее значение для установления эмоциональной и когнитивной связи с местом, что приводит к чувству безопасности и общности. <...> Идентичность и дух места тесно связаны с привязанностью человека к определённой территории и чувством принадлежности к ней [Альземенева, Мамаева 2021, 46].

Более того, в актах присвоения человеком определённых городских смыслов эти смыслы получают продолжение в нём самом. Горожанин, обладающий конкретной локальной идентичностью, становится одним из «носителей», «трансляторов» городских ценностей, идеалов, традиций и принципов. Поскольку городская

⁸ О концептуальном различении содержания, значения и смысла знака (текста) см.: Аванесов 2024, 161–170.

⁹ Ср.: «Меня спросили: “Тебе что, не нравится Лондон?” А я сказал, что мне там нравится почти всё, но я там ничего не люблю, а дома мне многое не нравится, но я это люблю» [Гришковец 2008, 198–199].

идентичность основана на смысловом совпадении индивида и городского сообщества, объединённого общей идеей города¹⁰, поскольку сам «предмет» идентификации (город) в его смысловом измерении индивидуально продолжается в каждом из переживающих единство с ним.

Наконец, присвоение городским субъектом смысла окружающих его артефактов (или, что то же самое, культурная идентификация) выражается, в частности, в «распространении» установки *приятия* смыслов на те формы, в которых эти смыслы выражены. В таком случае артефакты воспринимаются уже не как отвлечённо привлекательные, сами по себе красивые, технологически сложные, стилистически безупречные и т. п., а как *адекватные* «носители» («выразители») конкретных ценностей, идеалов, мировоззренческих установок, как их *релевантные* символы, то есть как физические «тела», идеально соответствующие определённым смыслам и наиболее точно их представляющие. В контексте культурной идентичности сама видимая форма города воспринимается как эстетическая среда, максимально точно соответствующая тому типу культуры, к которому относит себя конкретный горожанин.

Идентичность города

В современной отечественной урбанистике всё ещё недостаточно чётко разведены понятия *городской идентичности* и *идентичности города*; зачастую же вообще «происходит некоторое смешение понятий» [Горнова 2019, 4]. Однако для построения релевантного гуманитарно-урбанистического дискурса требуется более или менее определённо понимать различие и взаимное отношение названных понятий, особенно тогда, когда они применяются в контексте описания и анализа городской визуальной среды [см.: Аванесов, Федотова 2022], её формирования, структуры, трансформаций и семиотических функций.

Под *идентичностью города*, как правило, понимается «его уникальность, непохожесть на другие города и тождественность само-

¹⁰ Городское сообщество в целом может быть в высокой степени консолидировано именно вокруг идеи сохранения и благоустройства визуальной среды города как общего достояния. Ср.: «Принцип формирования города с позиций комфортной визуальной среды мог бы стать той “идеей города”, которая объединила бы всех его жителей» [Филин 2006, 47]; «Теоретический анализ факторов, влияющих на городскую идентичность, показал, что улучшение качества городской среды способствует более полному удовлетворению пространственных потребностей горожан и способствует формированию позитивной городской идентичности» [Горнова 2019, 7].

му себе»; сюда входит «круг представлений об уникальности и само-тождественности города, о его способности сохранять свою суть на протяжении сменяющих друг друга исторических эпох» [Горнова 2019, 4]. В дефинициях такого рода прежде всего обращает на себя внимание неосознанное смешение концептов идентичности и тождества, акцентуация уникальности как признака идентичности, что изрядно отвлекает внимание от совершенно верной идеи сохранения идентичности города во времени, удержания равенства себе даже в процессах превосходства такого само-равенства.

Иначе говоря, идентичность города – это его *открытое равенство* самому себе; при этом открытость (перспективность) города не противоречит его равенству самому себе, а равенство города самому себе не препятствует его открытости (перспективности). Идентичность города обеспечивает непрерывность его исторического существования, то есть его присутствия в культурном опыте как конкретного, продолжающегося явления, как единой линии преемственности, соединяющей его различные исторические состояния. Идентичность города, таким образом, – это, прежде всего, *форма дефрагментации города во времени*. Само-тождество города было бы закрытым (однозначным, окончательным) равенством самому себе; идентичность же есть такое равенство города самому себе, которое является открытым (неоднозначным, неокончательным). Во втором случае город жив и его история продолжается; в первом случае город мёртв и превратился *по сути* в некрополь.

Идентичность города определяется, проявляется и воспринимается не только в хроническом (временнóм) аспекте, но и по ряду иных параметров; общий список этих параметров можно представить в следующем виде:

- равенство себе (во все времена это *тот же самый город*);
- уникальность (узнаваемость);
- соотнесённость с определённой культурой (русский, арабский, итальянский, американский, советский, мультикультурный и т. п.);
- стилистическое единство городской среды, её аутентичность (например, «настоящий» Париж исторического центра и «ненастоящий» Париж окраин);
- принадлежность к определённому типу городов (столичный, провинциальный, исторический, университетский, индустриальный, курортный, мегаполис, город-спутник и т. д.);
- соотнесённость с климатом и ландшафтом (типично приморский город / нетипичный приморский город; город на семи хол-

мах; город, «вписанный» в географию; город, продуманно / непроруманно устроенный с точки зрения местного климата и т. п.).

Зачастую идентичность города легко интерпретируется как его уникальность, причём под уникальностью данного города подразумевается его *неравенство другим*. Однако это только внешний аспект идентичности; внутренний же аспект, если он исследован, указывает на то, *в чём именно город равен самому себе*. И это равенство самому себе может совпадать с точно такими же идентичными характеристиками других городов, то есть вовсе не быть «особостью». Например, «ганзейская» характеристика Великого Новгорода фиксирует его уникальность среди современных российских городов, но в то же самое время включает его в весьма широкое множество не менее «ганзейских» городов Европы; и именно такая «ганзейская» не-особость выступает в качестве одной из ключевых «опций» новгородской идентичности. Город может сохранять свою идентичность за счёт наличия исторического ядра (кремля), много вековых памятников сакральной архитектуры, древней сетки улиц, их исторического мощения и т. п.; но этот набор характеристик не является *уникальным* ни для одного русского города с достаточно длительной историей. Сохранять идентичность города означает поддерживать его культурно-историческое соответствие самому себе; уникальность может входить, а может и не входить в состав такой идентичности. Следовательно, определять идентичность города исключительно через его уникальность некорректно.

В современной теории города известны попытки выделить и классифицировать различные «элементы» города, которые формируют идентичность его среды. Такими элементами называются (1) «природа и её компоненты (климатические характеристики, ландшафт, растительность, водоёмы и т. д.)», неотделимые от «целостного образа города»; (2) «архитектурно-градостроительные компоненты (квартал, здание, архитектурные детали)»; (3) «элементы дизайна (реклама, декор, вывески)» [Альземенева, Мамаева 2021, 42]. При этом климат, ландшафт и растительность, соответствующие расположению того или иного города, вряд ли обладают признаком безусловной уникальности; несмотря на этот «недостаток», они имеют прямое отношение к идентичности: город в пустыне; город в горах; город в сельве; приморский город и так далее.

Идентичность города расположена между стереотипизацией (город вообще, «как все») и изоляцией (единственный, несравнимый), между бессодержательным универсализмом и удушающим само-тождеством; она избегает названных крайностей и только по-

этому может быть квалифицирована как идентичность в точном смысле слова. Полное и окончательное тождество города самому себе обрекает его на застой, на бесконечное повторение себя самого, превращает его в город-музей без будущего¹¹ и, в конечном счёте, в город-кладбище. Идентичность позволяет городу сочетать тождество с выходом за его границы, органично сопрягать индивидуальное с общим, а ретроспективу с перспективой. Только такая позитивная идентичность воплощает в себе *культурную установку* на кумулятивное развитие.

Идентичность города является не столько присущим ему обязательным свойством, сколько культурным конструктом¹², причём сразу в двух аспектах: (1) сам город со всеми его характеристиками есть *произведение*, результат культурных практик человека; (2) идентичный город со всеми его соответствующими признаками есть результат признания его таковым в восприятии, представлении и воображении людей. В конечном счёте, идентичность города оказывается итогом синергии «производящей» и «рецептивной» активности: сам феномен указанной идентичности должен быть охарактеризован как «социокультурный конструкт, формирующийся в результате взаимодействия актора-художника с конкретным территориальным контекстом и характерным для него городским сообществом» [Sherstiuk 2023, 137]. В ракурсе гуманитарно-урбанистического дискурса достаточно ясно читается *ключевая интенция* такого «конструирования»: идентичность города в силу одного лишь своего наличия обеспечивает сохранение непрерывности существования обитаемого пространства, дефрагментацию истории, преемственность как структуры, так и состояния городской среды.

Идентичность города может выражать себя в его имени¹³, в его образе и его визуальном облике. Однако один и тот же город с тече-

¹¹ Н. П. Анциферов предупреждает: «Ни в коем случае не следует превращать город в музей до-стопримечательностей, которые показываются при экскурсиях», если под музеем разумеется «хранилище раритетов»; музей уместен, когда он составляет «органическую часть города», а не поглощает собой весь город целиком [Анциферов 1922, 18–19].

¹² Как утверждает Ян Ассман, «разницу между я-идентичностью и мы-идентичностью ни в коем случае не следует видеть в том, что первая “естественна”, а вторая – продукт культурного конструирования. “Естественной” идентичности не существует. Различие же состоит в том, что коллективная идентичность, в отличие от личной, не опирается на естественную явственность телесного субстрата. Явственность коллективной идентичности – исключительно символического характера. “Социальное тело” нельзя ни увидеть, ни потрогать. Оно представляет из себя метафору, мнимую величину, социальную конструкцию. Но в этом качестве оно вполне реально» [Ассман 2004, 141].

¹³ Об имени города как его семиотической модели см.: Абаев 2000, 61–63.

нием времени может менять свои образы или сочетать в себе сразу несколько образов и стилей (например, Санкт-Петербург, Париж), а некоторые города неоднократно меняют своё имя. Несмотря на то и другое, город способен сохранять свою идентичность вопреки таким переменам – именно потому, что идентичность есть единство во множественности, и сама эта множественность во времени и пространстве является одним из двух необходимых условий наличия идентичности города. Более того, идентичность города тоже может содержательно меняться (например, у таких городов, как Рим, Вроцлав, Тарту, Константинополь / Стамбул, Кёнигсберг / Калининград и др.). В таких случаях следует, видимо, говорить о некоей мета-идентичности города, вбирающей в себя исторически и идеологически различные идентичности.

Такую мета-идентичность можно зафиксировать прежде всего в «традиционных» городах, имеющих длительную непрерывную историю, включающую в себя несколько больших этапов. Современные, стандартно спланированные, функционально бедные города, как правило, не только не имеют истории, но и не обладают идентичностью. Вот что пишет о новых (в том числе социалистических) городах Любен Тонев:

В эти новые города, городские центры и кварталы, запланированные, спроектированные и созданные по предварительно рассчитанным плановым заданиям и строительным программам, градостроители, архитекторы, инженеры, экономисты и другие специалисты <...> вложили свои знания, творческие возможности, гуманные и социалистические взгляды, волю, энтузиазм, любовь и труд. Строительство этих новых городов и реконструкция существующих происходит согласно с градостроительной и архитектурной наукой – с разумным распределением площади и строительным зонированием, с требуемой плотностью застройки и населения, с подходящим озеленением. Вычислены и предусмотрены необходимые детские, учебные, культурные и другие общественные учреждения, магазины, заведения общественного питания, бытового обслуживания и т. д. Учтены гигиена, коммуникация и транспорт. <...> Но почему же эти новые города и новые кварталы в существующих городах, <...> лишены каких-то индивидуальных черт, характера и художественной и жизненной атмосферы? <...> Они не оставляют следов в воспоминаниях, не возбуждают восхищения, подобно созданным и оформленным веками шедеврам [Тонев 1973, 193–195].

Город «современной цивилизации» несёт в себе и на себе «внешнюю стандартизированную и “бездушную” плоть, за которой уже стали малозаметными остатки индивидуальности городов иных времён» [Даренский 2015, 30]. Унификация и стандартизация современных городов неблагоприятно влияет на многообразие культурного пространства и тем самым обостряет проблему идентифи-

кации современного города, нарушает процесс формирования его индивидуального образа; «архитектурная глобализация» стирает культурные различия между городами, порождая «глобальный метаполис» [Шилехина 2017, 53]. Проникновение в суть городской индивидуальности требует определённого труда, в то время как безликая, «стандартизированная “плоть” современного города», напротив, почти не поддаётся индивидуализации, кроме чисто географической [Даренский 2015, 31], то есть территориальной. Такова участь города, не имеющего необходимых культурных оснований идентичности.

Позитивным контрастом таким безликим *населённым пунктам* выступают исторические города, возникшие тоже по строгому плану, но с учётом визуально-семиотических аспектов градостроительства и воспитательно-эстетических (идеологических) функций архитектуры. Таковы многие города Средневековья и Ренессанса, таков «умышленный» Санкт-Петербург: их планы и виды несут не только утилитарную и эстетическую нагрузку, но и репрезентируют конкретные ценности и идеалы, традиции и нормы. Восприятие пространственной среды таких городов равнозначно освоению смыслов, транслируемых посредством этой среды. Поэтому идентичность горожанина выступает здесь как «осознание психоэмоциональной принадлежности личности к определённому городскому архитектурному пространству и составляющим его знаковым компонентам (*signed components*)» [Sherstiuk 2023, 146], как погружённость в «атмосферу места», и потому она уже практически неотделима от идентичности города.

Следовательно, идентичность города всегда напрямую зависит и от того, каков его сложившийся в культуре образ, и от того, как именно горожане понимают и воспринимают свой город в акте самоидентификации [ср.: Шилехина 2017, 54]. Городские идеалы, мифы и метафоры накладываются на восприятие места, и «человек смотрит на город сквозь призму этих представлений» [Горнова 2019, 16]. Кроме того, образ города во многом зависит от впечатлений, которые он вызывает, от их позитивной или негативной эмоциональной окрашенности¹⁴. Таким образом, идентичность визуального городского ландшафта «представляет собой многослойный временно-пространственный континуум (multilayered temporal-spatial continuum), состоящий из психологических и эмо-

¹⁴ Образ города в свою очередь может оказывать влияние на его вид: «Городская идентичность формирует представление о городе на физическом и психологическом уровне, что следует учитывать при планировании и проектировании» [Альземенева, Мамаева 2021, 45].

циональных представлений человека о городе, отличающих этот архитектурный континуум от других» [Sherstiuk 2023, 136]. Идентичность города производна не столько от его вида, сколько от его образа.

Если же идентичность конкретного города не заботит того или иного горожанина (актуального или потенциального), то это свидетельствует о том, что для такого горожанина *нет* этого конкретного города, а есть город вообще или, того хуже, утилитарный фрагмент неидентифицированной территории. Но это значит, в свою очередь, что и он – *не* горожанин. Идентичность конкретного города актуальна лишь для тех субъектов, которые обладают конкретной городской идентичностью.

Итак, городская идентичность и идентичность города – это исходно разные концепты. Первый из них описывает позицию осознанной принадлежности человека к определённому городскому сообществу, второй – историческое равенство города самому себе, его единство во времени и пространстве. При этом оба концепта имеют *открытый* характер: городская идентичность в принципе условна и динамична, а идентичность города всегда больше, чем его само- тождество.

Город – это не просто тип поселения, отличающийся от всех других типов, сколько бы их ни было. «Город – явление конкретное» [Горнова 2019, 10], следовательно, идентичное. При этом идентичность не равна тождеству на терминологическом (концептуальном) уровне, несмотря на языковую синонимию слов «идентичный» и «тождественный». Тождество города самому себе превращает его в статичный музей самодостаточных артефактов; идентичность утверждает его в статусе динамичного культурного феномена, изменчивого в своём постоянстве и постоянного (одного и того же) в своей изменчивости.

Визуальное пространство города выступает основанием для самоидентификации лишь в том случае, когда оно воспринимается в качестве знаковой системы – текста, поддающегося прочтению не только на уровне содержания и значения, но и на уровне смысла. Идентифицировать себя с конкретным городом значит принять, освоить ценности, идеалы, социокультурные установки и моральные ориентиры конкретного городского сообщества, то есть его смыслы. Городская идентичность основана на таком проникнове-

нии в культурный смысл города. В свою очередь, идентичность города во многом зависит от того урбанистического образа, который формируется горожанами – носителями городской идентичности. Генезис идентичности конкретного города – это результат «процесса осмыслиения» его сути [Шилехина 2017, 56]: его истории, принимающей черты биографии, его архитектурной среды, получающей характер семиотической системы, и его пространственного устройства, приобретающего свойства текста. В таком ракурсе визуальная среда города всегда «больше» своего материального или эстетического измерений, выступая как форма презентации смыслов, одинаково лежащих в основании как городской идентичности, так и идентичности города.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абашев 2000 – *Абашев В. В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века*. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2000.
- Аванесов 2024 – *Аванесов С. С. Город как культурный проект: Начала гуманитарной урбанистики*. М.: Индрик, 2024.
- Аванесов, Федотова 2022 – *Аванесов С. С., Федотова Н. Г. Город: в поисках идентичности*. СПб.: Алетейя, 2022.
- Альземенева, Мамаева 2021 – *Альземенева Е. В., Мамаева Ю. В. Идентичность городской среды // Инженерно-строительный вестник Прикаспия*. 2021. № 2 (36). С. 40–47.
- Анциферов 1922 – *Анциферов Н. П. Душа Петербурга*. СПб.: Брокгауз и Ефрон, 1922.
- Ассман 2004 – *Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М. М. Сокольской*. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Бодрийяр 1997 – *Бодрийяр Ж. Город и ненависть / Пер. с фр. Б. П. Нарумова // Логос*. 1997. № 9. С. 107–116.
- Горнова 2019 – *Горнова Г. В. Городская идентичность: философско-антропологические основания*. Омск: Амфора, 2019.
- Гришковец 2008 – *Гришковец Е. Год жжизни*. М.: АСТ, 2008.
- Даренский 2015 – *Даренский В. Ю. Город как «естественное» и природа как «искусственное» в экзистенции современного человека // Международный журнал исследований культуры*. 2015. № 1 (18). С. 24–35.
- Задорин и др. 2016 – *Задорин И. В., Евстифеев Р. В., Крупкин П. Л., Лебедев С. Д., Шубина Л. В. Городские локальные идентичности как*

- основа формирования устойчивых местных сообществ. Исследование общегородских идентичностей жителей Владимира, Смоленска, Ярославля. М.: АДАПТ, 2016.
- Замятин 2006 – Замятин Д. Н. Культура и пространство. Моделирование географических образов. М.: Знак, 2006.
- Лотман 2010 – Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2010.
- Спешилова 2023 – Спешилова Е. И. Urban imaginary в контексте исследований городской среды // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2023. Вып. 4 (38). С. 59–78.
- Телия 1996 – Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996.
- Тонев 1973 – Тонев Л. Композиция современного города / Пер. с болг. Н. Матеева. София: Болгарская академия наук, 1973.
- Федотова 2024 – Федотова Н. Г. Православные образы в городском воображаемом Великого Новгорода // Визуальная теология. 2024. Т. 6. № 2. С. 368–381.
- Филин 2006 – Филин В. А. Визуальная среда города // Вестник Международной Академии Наук (Русская секция). 2006. № 2. С. 43–50.
- Чернявская 2011 – Чернявская О. С. Осмысление понятия территориальной идентичности // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2011. № 4 (4). С. 70–76.
- Шилехина 2017 – Шилехина М. С. Культурное пространство города как его идентификационное лицо: сущность и формирование // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 3 (77). С. 52–62.
- Sherstiuk 2023 – Sherstiuk A. A. Visual-semiotic patterns in the study of urban architectural identity: Artistic and aesthetic perception of old building facades in Kaliningrad. *Urbis et Orbis. Microhistory and Semiotics of the City*. 2023. 3 (1). P. 134–148.

REFERENCES

- Abashev, V. V. (2000). *Perm as a Text. Perm in Russian Culture and Literature of the 20th Century*. Izdatel'stvo Permskogo universiteta. (In Russian).
- Alzemeneva, E. V., & Mamaeva, Yu. V. (2021). Identity of the Urban Environment. *Engineering and Construction Bulletin of the Caspian Region*, 2(36), 40–47. (In Russian).

- Antsiferov, N. P. (1922). *The Soul of Petersburg*. Brokgaus & Efron. (In Russian).
- Assmann, J. (2004). *Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen* (M. Sokolskaya, Trans.). Yazyki slavyanskoy kul'tury.
- Avanesov, S. S. (2024). *City as a Cultural Project: Principia of Humanitarian Urban Studies*. Indrik. (In Russian).
- Avanesov, S. S., & Fedotova, N. G. (2022). *City: In Search of Identity*. Aleteya. (In Russian).
- Baudrillard, J. (1997). La ville et la haine (B. Narumov, Trans.). *Logos*, 9, 107–116.
- Chernyavskaya, O. S. (2011). Interpretation of the Concept Territorial Identity. *Herald of Vyatka Humanitarian State University*, 4(4), 70–76. (In Russian).
- Darenskiy, V. (2015). The City as “Natural” and Nature as “Artificial” in the Existence of Contemporary Man. *International Journal of Cultural Research*, 1(18), 24–35. (In Russian).
- Fedotova, N. G. (2024). Orthodox Images in the Urban Imaginary of Veliky Novgorod. *Journal of Visual Theology*, 6(2), 368–381. (In Russian).
- Filin, V. A. (2006). Visual Environment of the City. *Herald of the International Academy of Sciences (Russian Section)*, 2, 43–50. (In Russian).
- Gornova, G. V. (2019). *Urban Identity: Philosophical and Anthropological Foundations*. Amfora. (In Russian).
- Grishkovets, E. (2008). *The Year of Life*. AST. (In Russian).
- Lotman, Yu. M. (2010). *Semiosphere*. Iskusstvo-SPB. (In Russian).
- Sherstiuk, A. A. (2023). Visual-Semiotic Patterns in the Study of Urban Architectural Identity: Artistic and Aesthetic Perception of Old Building Facades in Kaliningrad. *Urbis et Orbis. Microhistory and Semiotics of the City*, 3(1), 134–148.
- Shilekhina, M. S. (2017). Cultural space of the city as its identification person: essence and formation. *Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts*, 3(77), 52–62. (In Russian).
- Speshilova, E. I. (2023). The Imaginary in Urban Studies. *ПРАΞΗМА (Praxema). Journal of Visual Semiotics*, 4(38), 59–78. (In Russian).
- Telia, V. N. (1996). *Russian Phraseology. Semantic, Pragmatic and Linguocultural Aspects*. Yazyki russkoy kul'tury. (In Russian).
- Tonev, L. (1973). *Composition of a Modern City* (N. Mateev, Trans.). Bolgarskaya akademiya nauk.

- Zadorin, I. V., Evstifeev, R. V., Krupkin, P. L., Lebedev, S. D., & Shubina, L. V. (2016). *Urban Local Identities as a Basis for the Formation of Sustainable Local Communities. A Study of Citywide Identities of Residents of Vladimir, Smolensk, Yaroslavl*. ADAPT. (In Russian).
- Zamyatin, D. N. (2006). *Culture and Space. Modeling of Geographical Images*. Znak. (In Russian).

Материал поступил в редакцию 12.01.2025